

ношения с *бургомистром*”. Подобное произношение отмечено много раз (ср. русск. *бургомистр*). Лишь один раз произнесла *бургомистр*.

МН, единственной из группы рассматриваемых 17 человек, свойственно явление так называемой “обратной подстановки” – включение заимствованной корневой морфемы в модели родного языка [7, с. 370–371]. Она образует от немецких основ глаголы по русской модели: (рассказывает о домработнице – украинке) “Она хорошо зарабатывает // Она *пущит* у многих немцев //” (нем. *putzen* – чистить, прибирать).

3.4. Между двумя рассмотренными информантами имеются черты и сходства, и различия. Их сближает то, что обе они дома говорили по-русски, но родились и живут в Германии. Отсюда произношение немецкого *h* на месте русского *x* в позиции перед гласными (*хорошо, хотела, художник, находился* и много др.), отсюда влияние немецкой лексики. Обе включают немецкие слова в свою русскую речь, но первая использует их как инкрустации, сохраняя их произношение, не приспособивая к русской грамматике. Вторая использует немецкие слова и как инкрустации, и как лексические единицы, переоформленные по образцу русских слов. Скорее всего это объясняется тем, что ей не свойственно многоязычие. Ее можно обозначить: Р/Н. Русский она забывает, а немецкий знает недостаточно хорошо.

Между тем наблюдается закономерность: чем больше человек знает языков, тем меньше он склонен подгонять один язык под другой, переиначивая слова. Первая информантка, кроме немецкого, шведского и русского, знает английский и французский, тогда как вторая, кроме немецкого и русского, других языков не знает. Имеется еще одно различие: первая знает русский только в устной форме (писать не умеет!), вторая кончила русскую гимназию. Может быть, знание русской грамматики способствует тому, что она строит русские слова из немецких?

3.5. Даже на этих двух примерах мы видим, что личные качества играют большую роль в особенностях сохранения / разрушения языка.

Приведем еще лишь один пример, показывающий, как обстоятельства жизни влияют на сохранность языка. Женщина, родившаяся в 1934 г. в Китае и получившая там образование на английском языке, дома говорила только по-русски – с отцом, матерью и бабушкой. Братьев и сестер у нее нет, поэтому и после школы она дома говорила только по-русски, тогда как ее сверстницы, у которых были братья и/или сестры, дома с ними говорили уже по-английски. Окончив учиться, в 1955 г. переехала в Италию – занимается переводами с английского, реже – с русского, итальянского – на английский, русский (по нашей нотации: Р/А/И). Ей не свойственно разрушение ни интонации, ни

грамматических особенностей русского языка. Она сохранила превосходный русский язык – и устный, и письменный. Бабушка ее обучила даже новой русской орфографии (см. [2]). Она выписывает русские газеты, читает русские книги. Язык этой женщины несет лишь некоторые черты эмигрантской речи (типа *амбулянс*, вм. *скорая помощь*). Она интересуется современным русским, расспрашивала меня о слове *бомж*. Иногда затрудняется при переводах “советизмов” современного русского. Рассказывает, что слова нового эмигранта “я работаю в почтовом ящике” перевела как “он работает на почте”. Подобные курьезы стремится устранять.

4. Некоторые выводы.

4.1. Речь потомков первой волны эмиграции отличает целый ряд общих особенностей, объясняемых тремя факторами:

I. Усвоение русского языка дома, от родственников (свободно владеющих книжным и разговорным русским языком) или нянь (в речи которых встречались черты просторечия).

II. Господствующее в семье стремление сохранить чистый русский язык, не допускать нововведений, связываемых с советской властью, что порождает некоторую архаичность.

III. Постоянное пребывание в окружении лиц, говорящих на других языках и усвоенное с детства многоязычие.

Эти три главенствующие фактора порождают такие особенности русской речи:

I. – Беглость, естественный темп речи, что редко бывает свойственно иностранцам, даже отлично выучившим русский язык.

– Наличие типично разговорных черт в фонетике.

– Свободное пользование разговорной, а иногда и просторечной лексикой.

II. – Наличие слов и выражений, устарелых в русском языке СССР и современной России.

– Отказ от использования слов, возникших в советское время.

III. – Сохранение в заимствованных словах их исконного произношения или отдельных его черт.

– Включение в качестве инкрустаций иноязычных слов.

– Наличие лексических и фразеологических калек.

– В речи некоторых лиц наблюдается интонационное и фонетическое влияние чужого языка, начальная стадия разрушения ряда грамматических особенностей русского языка.

4.2. Наши информантов объединяет одна общая черта. Независимо от того, сколько языков